

Альберт Лиханов

Теплый дождь

Альберт Лиханов

Теплый дождь

1968

Лиханов А.

Теплый дождь / А. Лиханов — 1968

Начинается война и отец мальчика Алеши уезжает на фронт. Что ждет Алешу и его семью? Об ошибках (опечатках) в книге можно сообщить по адресу <http://www.fictionbook.org/forum/viewtopic.php?t=3134> . Ошибки будут исправлены и обновленный вариант появится в библиотеках.

Содержание

Дождь	5
1	5
2	6
3	7
4	8
Тревога	9
1	9
2	10
3	11
4	12
5	13
6	15
Горе	16
1	16
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Альберт Лиханов

Теплый дождь

Ах, война, что ты, подлая, сделала...
Б. Окуджава

Дождь

1

Они стояли все втроем под отцовской плащ-палаткой, а дождь, будто живой, плясал возле них, шлепал свои тяжкие капли на желтый булыжник, пузырился в лужах.

Вокруг, гроыхая пудовыми сапогами, пробегали солдаты, быстро проходили женщины – все почему-то в сером, – изредка раздавались команды. Перрон жил суетой и спешкой, как и всегда все перроны, но сейчас было в нем еще что-то особое. Что-то тревожное висело над всем этим – небольшим серым зданием станции, над булыжной площадью возле путей, над вагонами, узкими дачными вагонами, приспособленными уже под воинский эшелон и покрытыми для маскировки зелеными и серыми пятнами, – и тревога эта рождала сосредоточенность и тишину, в которой не слышалось привычного шума отъезжающих людей, а лишь топот сапог и редкие команды.

А дождь, теплый летний дождь все плескался, ходил по крышам вагонов, по площади, по плащ-палатке, под которой стояли они все втроем, по лужам и пузырился в них. Отец кивнул на лужу, в которой плавали пузыри, и сказал почему-то:

– К осени.

Словно нечего ему было больше сказать.

2

Сначала Алеше показалось, что это поют какую-то странную песню. Ее затянули где-то у паровоза, в голове эшелона, и подхватывали у каждого вагона, но когда она приблизилась, Алеша понял, что это никакая не песня.

– По ваго-о-она-а-а-ам! – кричали командиры.

– По ваго-о-она-а-а-ам!

Алеша вздрогнул, капля упала ему за ворот: отец убрал плащ-палатку, поправил пилотку.

К ним подбежал пожилой солдат с обветренным, морщинистым лицом, в длиннополой шинели, с гремящим у пояса котелком.

– Товарищ капитан! – сказал он волнуясь. – Дано отправление!

Отец, не оборачиваясь, кивнул и сказал Алеше:

– Ну, сын!

И поднял его, хотя Алеша был большой и тяжелый.

Их лица сровнялись, они глядели друг другу в глаза – Алеша-большой и Алеша-маленький: оба синеглазые, оба русые, у обоих веснушки на носу. Мама, да и не только она одна, все в их доме говорили, что они удивительно похожи друг на друга, просто даже поразительно: отец и сын, а словно два близнеца, только один взрослый, а другой мальчишка...

Алеша смотрел и смотрел в глаза отцу, на лицо его, запоминая до самых малых подробностей. Отец улыбался, хотя надо было бы, наверное, хмуриться, улыбался во весь рот.

Потом отец приподнял Алешу, прижал его к себе и крепко поцеловал.

Потом он посмотрел на мать и обнял ее. Они стояли, обнявшись, долго-долго, никого не замечая вокруг, будто они одни на всем свете.

Солдат, потоптавшись за спиной у отца, побежал к вагону.

Паровоз гукнул, и по всему составу прокатился глухой удар, вагоны, дернувшись, двинулись, а отец все стоял, обняв мать.

Солдат, прыгнувший на подножку, тревожно глядел на отца. Отец, будто поняв его тревогу, вдруг отодвинулся от мамы, посмотрел ей в глаза, ничего не сказав, потом повернулся и побежал за поездом. Солдат в длинной шинели протянул ему руку, и отец вскочил на подножку. Он сразу же обернулся к Ним, к Алеше и матери, и не крикнул, не махнул рукой, только глядел на них.

И вдруг вышло солнце. А дождь все не переставал. С неба тянулись белые нити. Над серыми облаками, над вагонами уходящего поезда, над дальним лесом у горизонта встала яркая радуга.

К ней уезжал отец, стоя на подножке, глядя на них, будто стараясь навсегда запомнить.

3

Когда поезд скрылся, мама заплакала.

Крепилась-крепилась и заплакала.

Все смотрели на них, и Алеше вдруг стало неловко за маму: что же теперь плакать, ведь все едут на фронт. Все надели военную форму и едут, а отцу – что же, дома сидеть?

Алеша гордился отцом. Во всем их большом доме только у него был такой отец – военный, красный командир.

Когда вечером он приезжал со службы на «эмке» и шел по двору – стройный, подтянутый, в блестящих сапогах – все, кто бы ни был во дворе, всегда бросали свои дела и смотрели на отца, на то, как он шел, и все всегда улыбались, потому что шел он замечательно, по-военному.

Даже доминошники, какие-то расхлябанные дядьки в майках и в расстегнутых рубашках, – те, что каждый вечер колотили по дощатому столу и ничего не замечали вокруг, и те, когда приезжал отец, оборачивались на него, и кто-нибудь из них говорил довольно:

– Строевик!

Словно завидовал тому, какой отец подтянутый и четкий.

Алеша иногда думал, что весь их дом, когда люди видят отца, становится будто спокойнее оттого, что здесь живет красный командир.

Когда началась война, в то воскресенье, за отцом пришла машина, и он исчез и не появлялся три дня, а потом, когда вернулся, измученный, усталый, к ним в квартиру сразу набилось полно людей – соседи со всего двора, были среди них и доминошники, теперь застегнутые на все пуговицы. Они настойчиво расспрашивали отца что и как. Некоторые показывали повестки.

Отец один был спокоен среди этих людей, весело, как до войны, улыбался и говорил:

– Все будет, как надо, как надо... Думаю, разобьем их быстро.

И люди уходили, немного успокоенные.

А потом Алеша видел соседей – и доминошников, и других – в солдатских шинелях, с мешками, они уходили каждый день со двора, окруженные женщинами и детьми.

Так что ж, его отец, кадровый военный, да еще командир, хуже их, что ли? Пришла и его очередь. Как же без таких, как отец, доминошники воевать будут?

Так что нечего тут и плакать.

Но мама все плакала и плакала, будто осталась одна на всем свете.

4

Дома было пусто и неуютно. Алеша ходил по гулкой комнате, прислушивался к радио, передававшему марши, поглядывал в окно. Во дворе, как ни в чем не бывало, носились мальчишки; прямо от дома спускался крутой косогор, у его подножия синела река, а по ней шел буксир с баржей. Все было, как всегда, как обычно, будто и не было никакой войны.

Мама, с лицом, опухшим от слез, молча сидела у стола. Там, в деревянной рамке, была фотография отца. Иногда мама покачивалась, щеки ее сразу становились мокрыми; она всхлипывала, и Алеше больно и горько было от этих слез. Он подошел к маме, прижался к ней, она обняла его, положила голову ему на плечо, словно взрослому, словно отцу, но не успокоилась, а только еще сильнее заплакала.

– Ну что же, – сказал Алеша, – что же плакать теперь... Папа скоро вернется. Вот увидишь, к первому сентября уже вернется, что ты в самом деле.

Мама хотела улыбнуться ему сквозь слезы, но улыбка не получилась, и она снова заплакала. Алеше стало досадно: что же она понять не может таких простых вещей.

Он прикрыл тихо дверь и спустился на улицу.

Алеша осуждал мать; он думал про себя, что жена красного командира, так же как и он, сын командира, не может быть слабой и не может позорить отца слезами. У военных даже в семье не может быть слез.

Во дворе блистали на солнце лужи, мальчишки гоняли на велосипеде сразу по трое: один в седле, второй на раме, третий на багажнике.

Алеша удивился. Велосипед был во дворе всего один, у Гошкиного, из сорок третьей квартиры, отца. Он ездил на нем всегда сам, и Гошка вечно просил у него покататься. Но дальше нытья дело не шло, Гошкин отец не доверял велосипед даже собственному сыну, потому что, дело понятное, ценная это была машина.

Алеша присмотрелся. Да, велосипед был Гошкиного отца. И ехал на нем Гошка, катя двух «пассажиров».

– Ты что? – спросил его Алеша, когда Гошка проезжал мимо.

– Отец на фронт ушел! – крикнул ему весело Гошка.

Тревога

1

Гошка был весь какой-то кругленький. К тому же он ходил в тубетейке, и это еще больше закругляло его. Нос у него был пуговкой, маленький, уши торчали двумя розовыми кругляшами, и оттого Гошкина голова походила на маленький чайничек с отбитым носиком. Когда они шли вместе – Гошка и его мама, длинная и нескладная Вера Ивановна, – все всегда очень удивлялись, узнав, что они – сын и мать. Так они были непохожи. Гошка не смущался, говорил: «Я весь в отца», и за это он нравился Алеше – оба они были «в отцов».

Гошка был самым маленьким во дворе и самым добрым. Он довез мальчишек до угла, развернулся и подъехал к Алеше, лихо тормознув, – даже колеса скрипнули.

– Валяй, попробуй, – сказал он Алеше.

Алеша попробовал, но тут же упал, и тогда Гошка стал помогать ему и советовать, как надо ехать. На велосипеде кататься Алеша в тот же вечер научился, и с тех пор они с Гошкой все время почти вместе были. Есть такая поговорка про нитку с иголкой. Только тут неизвестно, кто был ниткой, а кто иголкой, потому что Гошка и Алеша были настоящими товарищами, и никто никем не командовал, как это бывает у некоторых. А иголкой, наверное, был велосипед, потому что они целый день на нем катались или, если не катались, шли рядом с ним, вели его за руль по очереди, словно коня буланого под уздцы.

В тот день объехали почти полгорода, а когда устали, отвели своего коня на берег возле дома, уложили его на траву, а сами прислонились к столбу и стали слушать радио.

Наверху, на столбе, висел черный рупор, похожий на граммофонную трубу. По радио играли тревожную музыку, а потом музыку прерывали и говорили, что случилось на фронте. И от того, что говорили, становилось тоскливо.

За рекой синели леса и далекие поля. Воздух будто застыл над землей; все вокруг было таким спокойным. Только радио гулко говорило над косогором.

– Мы получили письмо от отца, – сказал Алеша. – Отец написал, что уже ходил в первый бой и его пуля царапнула.

Гошка сразу нахмурился и посмотрел на велосипед. Его отец уехал на день раньше Алешкиного, но писем от него еще не было.

– Вот бы на фронт рвануть, – сказал вдруг Гошка, и брови у него встали домиком.

– Хм, ерунда, – сказал Алеша.

Да, ерунда. Ведь он был сыном командира и знал, что говорил. Дороги на фронт закрыты, там стоит охрана и никого не пропускает.

– Да и чего бы ты стал там делать? – спросил он у Гошки.

2

Все правильно он сказал Гошке. И что бежать на фронт ерунда, и что без них там обойдутся... Да и какие из них бойцы? Ведь даже он, Алеша, ни разу в жизни не стрелял, кроме как из рогатки, а ведь у него отец командир. Только раз отец дал ему подержать свой пистолет, ощутить его тяжесть, да и то тут же отобрал. А когда уходил куда-нибудь из дому, переодевшись в обычный костюм, прятал пистолет в стол и ключ забирал с собой. Он очень берег свое оружие.

Так что кому они нужны на фронте, неумехи?

Вот если бы научиться чему-нибудь военному, это да! Цены бы не было мальчишкам, которые и стрелять умеют, и быстро бегать, и далеко ходить. Ведь, скажем, связных лучше мальчишек и не найдешь, сразу ясно! Взрослый поползет, его немцы тут же заметят. А мальчишка шмыгнет, как уж, и был таков. Сколько бы взрослых в живых осталось!

А кашевары? Смешно даже: какой-нибудь здоровый солдат – ему бы немцев бить – кашу варит! Неужели на это дело мальчишек поставить нельзя? Обед им доверять бояться! Ха, да еще бы такие обеды варили, пальчики оближешь!

Смешно просто – собак, овчарок, и тех на фронт берут – и санитарями, и связными, – Алеша про это в журнале читал, – а мальчишек нет. Будто они хуже собак! Равноправие называется!

Гошка строго смотрел на Алешу, загибал пальцы на руке и шевелил губами.

– Ты что? – удивился Алеша.

– Значит, варить обед – раз, быстро бегать – два, далеко ходить – три, ползать – четыре, стрелять – пять...

Он нахмурился.

– Вот стрелять – как? – спросил он и тут же так стукнул сам себя по голове, что в ней что-то даже зазвенело.

– Дурак! – крикнул Гошка. – Есть из чего стрелять!

3

Гошка побежал за ружьем, а Алеша пошел к себе, посмотреть, из чего бы сделать мишень.

Он вспомнил, что весной видел Гошкиного отца, когда тот возвращался с охоты. У пояса его болтались две утки, за спиной висело ружье; все во дворе хвалили Гошкиного отца, но он мотал головой и говорил, что охота не удалась. Гошка тогда еще всем хвастался, что вкуснее дикой утки нет ничего на свете и что он когда ел ее, чуть не проглотил свинцовую дробишку, которая была в утке, и всем показывал тусклый маленький шарик.

Мишень он увидел сразу же, как вошел. В прихожей висел плакат, на котором был нарисован значок и написано: «Полни ряды Осоавиахима!» Плакат этот Алеша очень берег, потому что такой же значок, как на плакате, был у отца, и для другого случая Алеша эту ценность никогда бы не взял. Но сегодня – другое дело. На белой стороне листа он нарисовал тушью черное яблочко и круги возле него.

Гошка вышел без ружья, с каким-то свертком, завернутым в газету.

– Ну? – спросил Алеша.

– Готово, – Гошка постучал по газете. Под ней было что-то твердое.

Они спустились вниз, к реке, и Гошка развернул сверток. Ружье было разобрано и лоснилось от масла. Они пытели, наверное, час, пока собрали его, лопухами стерли смазку, потом повесили на куст мишень.

Гошка целился первым. Он долго пытел, шмыгал носом, ружье качалось в его руках, вроде даже перевешивало.

Алеша стоял рядом, глядел, как жмурится Гошка, советовал, чтобы он целил прямо под яблочко, и вдруг увидел, как Гошка закрыл глаза.

Тут же Алеша перестал слышать, в ушах звенело, а ружье лежало на земле, у Гошкиных ног, из дула вилась белая дымная змейка. Они подошли к мишени. Она была целехонька – ни одной дырочки, зато правая рука у Гошки не двигалась. Алеша помог ему стащить рубашку. На плече расплывался фиолетовый синяк.

Гошка морщился, кривился, но не сдавался и сказал, что будет стрелять еще.

Алеша поднял ружье. Из ствола тянуло чем-то кисловатым. Мишень плясала перед мушкой, никак не хотела останавливаться, ружье было тяжелое, клонилось вниз. Гулко стучало сердце. «Неужели и у меня не получится, мазану, как Гошка?», – подумал Алеша. И тут же решил, что промахнуться не может, не имеет права, потому что ведь он сын командира. Военный человек.

Алеша набрал побольше воздуха в легкие, перестал дышать, расставил пошире ноги, вжал в плечо приклад и подтянул мушку под мишень.

Ствол подлетел вверх, он ощутил удар в плечо и неожиданно увидел лицо Гошки.

Гошка смотрел вверх, на обрывистый берег, у подножия которого они стреляли.

Алеша поглядел туда, и все в нем похолодело. На берегу стояла большая толпа, а по косогору, придерживая одной рукой кобуру, к ним спускался милиционер.

...Пробегая мимо мишени, Алеша увидел, что она вся усеяна мелкими дырочками.

4

От милиционера они удрали, косогор помог, но добрая Вера Ивановна откуда-то узнала, что они стреляли из ружья, страшно рассердилась и крепко побила Гошку.

Их квартира была на первом этаже, и Алеша, стоявший под окнами, слышал, как ходил по Гошке ремень. Но Гошка все вынес мужественно, не издал ни звука, только когда все это кончилось, он выскочил на улицу и у него были красные глаза.

Они ушли на берег и легли на траву возле столба с репродуктором.

Радио по-прежнему, удивительно спокойно, рассказывало, что наши отступают.

Наши отступают, а они лежат тут на траве.

Говорить ни о чем не хотелось. Алеша смотрел за реку, в далекую даль, где было так спокойно и так тихо и где шла война.

За спиной что-то заскрипело, грубый голос крикнул: «Но-о!»

Алеша обернулся. Возле столба с черным репродуктором, похожим на граммофонную трубу, стояла лошадь. На телеге сидел бородатый старик и прилаживал к сапогам какие-то железные крючки.

Прутья не прилаживались, старик кряхтел и чертыхался. Потом встал на землю и, осторожно переставляя прутья, подошел к столбу.

– Кошки, – сказал Алеша, – монтер.

– А что он тут? – спросил Гошка.

Старик обхватил столб руками и быстро, как молодой, полез вверх. Смешно было смотреть, как старик с бородой лезет вдруг на столб, да еще так быстро. Возле рупора он остановился, привязал себя к столбу железной цепью, вынул кусачки и ловко перерезал провода. Радио умолкло.

– Зачем вы! – крикнул Алеша, но монтер даже не повернулся к ним. Он что-то ковырялся там, наверху, что-то возился, и вдруг рупор с треском упал на землю.

Старик спустился вниз, отвязал железные когти и словно тут увидел мальчишек.

– Зачем, зачем! – сказал он. – Значит, надо.

Он положил черный рупор на телегу, чмокнул и крикнул грубым голосом: «Но-о-о!»

Лошадь вздрогнула всем телом, телега скрипнула, и он уехал вдоль по улице.

– Вот тебе и раз, – сказал Гошка.

– Теперь радио только дома, – вздохнул Алеша.

5

После того случая, когда Вера Ивановна побила Гошку, с огнестрельным оружием им дела иметь не пришлось. Правда, Алеша попробовал сделать самопал, долго вырезал деревянную ручку, как у пистолета, приматывал к ней проволокой медную трубку и начинал ее серой от спичек...

Испытать самопал, чтобы не привлекать внимания, они уехали на пляж, на самую дальнюю косу, где не было народа, и Алеша, отвернувшись на всякий случай, выстрелил. Самопал жажнул, мальчишек окутал серный противный дым, и, подумав, они постановили единодушно, что самопал – это ерунда, не оружие никакое. Один дымище.

– В конце концов, – сказал Алеша, – стрелять это еще не главное. Надо закалять себя, вот что.

И Гошка одобрительно кивнул головой.

С тех пор они плавали каждый день, потому что самое трудное на войне – форсировать реку под неприятельским огнем. А ведь форсировать надо вплавь.

Они лежали на пляже, рядом с велосипедом, и млели от жары, когда невдалеке зафыркал грузовик. Грузовики возле пляжа не ездили, их вообще-то в городе осталось – раз-два и обчелся. Мальчишки подняли головы. Это была закрытая «санитарка» с красным крестом на борту. Она, буксуя, медленно ехала прямо по пляжу. Потом машина остановилась, открылась задняя дверца, и две медсестры вытащили носилки, на которых лежала укрытая простыней девочка. Вслед за носилками из кузова стали вылезать малыши. Они не смеялись, не прыгали сверху в песок, а молча и осторожно, будто маленькие старички, сползали по железной лесенке и сразу ложились, отойдя несколько шагов.

Алеша толкнул в бок Гошку, они вскочили и побежали к машине. Тех, кого привезли, уже окружило плотное кольцо ребят. По кольцу пробежало новое слово: «дистрофики».

Сестры помогали малышам снять одежду, и те распластывались на песке, совсем белые. Белые, как бумага. Среди малышей выделялся один мальчишка, вроде Алеши ростом. Он помогал медсестрам раздевать маленьких, потом скинул рубашку и улегся сам, раскинув руки на жарком песке.

Алеша с Гошкой подсели к нему.

– Ох, хорошо тут у вас, – сказал, блаженно улыбаясь, парень.

Алеша молчал. Он рассматривал парнишку, и ему становилось холодно на горячем пляже. Ребра выступали у мальчишки сквозь прозрачную кожу, и в этой коже, словно в желтом осеннем листе, если повернешь его к солнцу, переплетались синие жилки.

На руке, тонкой, как палочка, было выколото имя: Толик.

– Мы из окружения, – сказал Толик, – всего и осталось-то, а был целый детдом.

Алеша, пораженный, молчал. А Толик сказал:

– Эх, нынче за все лето первый раз искупнусь!

Слова его обожгли Алешу. Всего ведь одно лето прошло, как война началась! Всего лето. А сколько уже случилось разной беды. От целого детдома вот машина малышей осталась... И Толик этот. Кожа да кости, а улыбается...

Гоша спросил Толика:

– К первому сентября война кончится?

Тот помотал головой:

– Говорят, немцы Новый год в Москве хотят справить.

– Ох гады! – закричал Гошка. – Ох гады! Ну мы им!

– Что мы им? – вяло возразил Толик. – Я сам видел: у них только самолетов, знаешь, сколько – туча, а у нас – одни винтовочки... Вот если бы придумать такое оружие, чтоб враз всех фашистов, это да...

– Ерунда! – сказал Алеша. – Если хочешь знать, это все военная хитрость.

– Какая хитрость? – удивился Толик. – Какая тут может быть хитрость?

– А ты с ним не спорь, – неуверенно возразил Гошка. – У него отец командир, может, теперь уже генерал. Он знает.

– Конечно, хитрость! – кивнул Алеша. – Мы немцев подальше заманиваем, а потом как ударим! Про Наполеона знаешь?

– Ну, ну, – сказал Толик, – вот мы месяц из окружения выбирались, померли наполовину, это тоже из хитрости?

Алеше стало стыдно перед мальчишкой. Совестно даже глядеть на него – такого тощего. Что ему скажешь – он сам все видел и все знает, разве поверит он Алеше.

Эх, был бы батя! Приехал бы хоть на денек! Уж он-то сказал бы этому Толику. Всем бы сказал точно, точнее не бывает, какого числа кончится война. Ну, если не к первому сентября – это ведь только для школьников большой день, – так к Октябрьским-то праздникам уж обязательно! Не может же быть, чтоб к такому празднику мы не победили!

Толик поднялся с песка и пошел к реке. Алеша и Гошка обогнали его и бултыхнулись с обрывчика. Когда Алеша вынырнул, он увидел, что Толик стоит на коленках на самой мелкоте, брызжет на себя воду и смеется, как маленький.

– Ты что? – спросил его Алеша.

– Да не уплыть, – весело ответил Толик, – слаб больно.

Алешу вновь пронзило какое-то смутное, неясное ощущение беды. Ему опять стало очень жаль Толика, захотелось хоть чем-нибудь помочь мальчишке с просвечивающейся кожей. И когда они выходили из воды, он сказал Толику, чтоб тот поверил, обязательно поверил и обрадовался:

– К Октябрьским кончится. Вот увидишь, кончится.

И соврал:

– Это мне отец написал.

6

А отец написал совсем другое.

«Родные мои Ляля и Алеша!

Пишу вам в землянке, рядом, совсем рядом враги. Сейчас уезжает в тыл раненый товарищ, пишу эти строчки, чтобы передать письмо с ним.

Милые мои, дорогие!

То, что происходит сейчас, – надолго. Думаю, даже не на один год, хотя поверить в это страшно.

Как вы там живете, дорогие? Жизнь, наверное, вздорожала. Продай мое барахло, Ляля, мои костюмы, они теперь ни к чему, а война кончится, справим новые.

Ляля! Придется, видно, по-солдатски подтянуть ремень, ты меня понимаешь? Советую тебе устроиться на работу, аттестата моего, видно, не хватит. Прости, но такое уж время.

Алеша, сын! Ты мне всегда говорил, что гордишься тем, что ты сын командира, даже считаешь себя военным. Я смеялся тогда над тобой. И только сейчас, здесь, понял, как ты был прав.

Будь сильным, Алеша, чувствуй себя всегда военным человеком и сделай все, что ты можешь, чтобы мы скорее победили.

Товарищ мой уже в машине. Обнимаю вас. Целую. Ваш Алексей».

Горе

1

Настала зима, и улицы потонули в снегу. Дворники тоже ушли на фронт, и теперь некому было убирать сугробы.

А зима куражилась, мела вьюгами, трещала морозами. Исчезли деревянные заборы с улиц – их поломали на дрова. В доме лопнула труба парового отопления, и Алеша с мамой ложились спать прямо в пальто и в валенках, пока мама не купила на рынке печку «буржуйку». «Буржуйку» поставили на кухне. Утюгом Алеша сломал стекло в форточке, заколотил ее фанеркой с дырой и в дыру просунул голенастую трубу от печки.

«Буржуйка» горела бойко, раскалялась аж добела и пока топилась, дома было тепло, а как только угасала, холод снова пробирался в комнату и заползал даже под самое теплое одеяло, так что Алеша опять спал в одежде – не в пальто и в валенках, правда, – но в теплом свитере и в шерстяных носках.

Плакать мама перестала, но все ходила, ходила по комнатам, останавливалась у зеркала, стояла возле него как замороженная и снова ходила.

Как-то вечером, когда они уже собирались спать и Алеша лежал в своей кровати, мама подошла к зеркалу и стала расчесываться. Волосы у нее были светлые, мягкие, длинные, серебрились от электрического света, и мама долго гладила их, потом сплела в толстую косу и перекинула ее на грудь.

Она была наедине с собой, смотрела на себя, чему-то тихонько улыбалась, укладывала косу калачом, и Алеша тоже улыбался, думая, какая она красивая. Вот интересно: волосы у мамы светлые, а глаза карие, глубокие-глубокие, как колодец. И пальцы – длинные, тонкие, не то что у Алеши – коротышки. Да и вообще Алеша совсем на нее не похож. Она – красавица, а он – вылитый отец.

Раньше, до войны, мама не работала. Сначала она училась в институте, но это было давно, еще до Алеши, а потом он родился, и она учиться больше не стала и не работала нигде.

Папа говорил не раз при Алеше:

– Нужды нет, жене командира можно и не работать. Воспитывай сына. – И мама не возражала.

Днем она готовила обед, ходила на базар, в магазины, когда Алеша начал учиться, делала с ним уроки. В первом классе они долго бились над письмом. У Алеши ничего не получалось, особенно эти волосяные линии, и клеточки он путал, но мама оказалась настойчивой и добилась, чтобы он писал только на «отлы».

Но потом Алеша вырос и делал уроки сам.

По вечерам, когда папа возвращался из части, они шли навстречу ему – отец ездил всегда одной дорогой, и Алеша вглядывался, не идет ли черная «эмка».

Улочки в городе были узкие, машины быстро не ездили, и папа всегда сам замечал их – Алешу и маму. Они даже перестали махать руками, выбегать на дорогу. «Эмка» тормозила, медленно подкатывала к ним, и они садились на заднее сиденье и всегда все смеялись: молодец папа, настоящий военный, зоркий – все замечает.

Машина катила по опавшим листьям, мягко урчал мотор, они ехали на берег реки, к большому новому дому, в котором жили.

Теперь ждать было некого, но мама все равно часто сидела у окна, глядела во двор, будто ждала, что вот подъедет «эмка», и отец выйдет из нее и пойдет по двору. И все, как раньше, будут оглядываться на него.

Она все вздыхала, ходила из угла в угол, иногда садилась к столу, сжав виски ладонями. А потом вдруг оделась однажды и ушла. А вернувшись, сказала, что устроилась на работу.

Алеша хотел, чтобы она пошла в госпиталь, да и Вера Ивановна, Гошкина мать, звала ее туда, но мама сказала, что не вынесет, не сможет работать в госпитале и каждый день видеть мучения людей, что и так тяжело, и устроилась в офицерскую столовую официанткой.

Алеша загоревал, ему было стыдно, что мама, жена командира, работает официанткой, и он даже сказал ей об этом. Мать ничего не ответила, но на другой же день велела Алеше прийти к ней на работу.

В столовую нельзя было пройти без пропуска, у дверей стоял часовой, но мама провела Алешу, и он увидел шумный зал. За столиками сидели военные, и это понравилось ему: ведь мама как бы работает на фронте. Ну, не на фронте, так среди военных.

Мама накормила его вкусным обедом, и на первое был любимый гороховый суп. Алеша ел так, что за ушами трещало. Мама смотрела на него горестно, а потом, когда он уже уходил, сказала как бы между прочим, что все, кто работает в этой столовой, – жены командиров.

Алеша кивнул головой, пропустив эти слова мимо, и только на улице понял все. Ему стало нестерпимо стыдно, он даже покраснел, кажется. Еще вчера он упрекал маму за то, что она, жена командира, работает какой-то официанткой, а сегодня, сейчас, лопал хоть бы что гороховый суп и ни разу не подумал про себя: что ж ты, сын командира, ешь бесплатный суп? Небось нравится? А ведь ешь-то ты его только потому, что мать у тебя здесь работает официанткой.

Алеша пошел тише, словно стыд мешал ему идти, потом повернулся и побежал назад. Но часовой его в столовую не пустил, хоть он и говорил, что лишь на минуту, что идет к маме, что она работает официанткой.

– Здесь таких много ходит, – сказал часовой. – Все к маме, а сами попрошайничают у офицеров.

И Алеше стало совсем стыдно, потому что как-то враз он понял то, чего не понимал еще вчера и что было, в самом-то деле, так понятно и так просто. Он понял, что мама пошла в столовую для него, для Алеша, чтобы был он всегда сытым и не прорывался от голоду в столовую, как те мальчишки...

2

А писем от отца больше не было.

Гошке хорошо, Гошка ходил, бодро выставив свой кнопочный нос, закапанный чернилами. Гошкин отец долго молчал, долго не было от него ни строки, и все думали, что он погиб, а он отыскался. Оказалось, был в окружении, потом вышел к своим.

Может, и мой попал в окружение, думал Алеша, или воюет в партизанском отряде и никак нельзя передать письмо. Когда Алеша думал об этом, он доставал из ящика стола, куда отец прятал когда-то пистолет, его последнее письмо треугольником и перечитывал снова. Сердце Алешино тревожно вздрагивало, и он с ужасом думал: а что, если отца уже нет? Совсем нет?

Тут же он отогнал от себя эту мысль, говорил сам себе, что это невозможно, и сам же себя спрашивал: а почему – нет? Ведь это война...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.